

Таким образом, проектное мышление является системным феноменом. В нем заложена способность общества в целом и отдельных индивидов к активно-творческому преобразованию действительности на основе представления и конструирования характеристик будущих желаемых состояний объектов или процессов.

---

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1975. – Т. 21. – Ст. 103. – С. 39.

2. Литвинов, В. П. Реалистический идеализм инновационного мышления / В. П. Литвинов // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2008. – № 3. – С. 25–29.

3. Луков, В. А. Социальное проектирование / В. А. Луков. – М. : Флинта, 2006. – 897 с.

4. Сосновская, К. В. Особенности современного проектного мышления / К. В. Сосновская // В мире научных открытий. – 2010. – № 3(09). – Часть 2. – С. 17–21.

5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 781 с.

6. Щедровицкий, П. Г. Искушение развитием / П. Г. Щедровицкий // Педагогика развития: возрастная динамика и ступени образования. – Часть 1. – Журнал «Дискурс». – № 3–4. – Красноярск. – 1997.

ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА: КРИЗИС ДОСТОВЕРНОСТИ ЗНАНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

И. М. Макаренко,

*кандидат культурологии, Белорусский государственный
университет культуры и искусств*

Человечество всегда особым образом относилось к знанию, его бережно сохраняли и передавали всеми доступными информационными технологиями, потому что знание – это сущность культуры, смысловой дом, в котором живет человек. Более того, человек воспринимает самого себя посредством тех знаний, которыми располагает. Поэтому знание, становящееся программой культуры, – это потенциальная будущая конфигурация человека и общества. Одной из таких программ – мега-программ, определивших ментальный облик человека второй половины XX в., стал постмодернизм. Его несостоятельность

проявилась рядом кризисных явлений, что предопределило поиск и формирование новых путей развития культуры, в частности постпостмодернизма (К.-О. Апель, М. Готдинер). Однако, несмотря на становление и развитие постпостмодерна, влияние постмодерна по-прежнему сильно. Потому его изучение и осмысление с целью выявления и дальнейшего последовательного преодоления его глубинных оснований все еще является актуальным.

Постмодерн предельно остро поставил вопрос о достоверности знания. Коренным образом опровергнув веру в самую гносеологическую способность человека, он отказался признать онтологичность существующих метафизических концепций и объявил необоснованными надежды на создание метафизических теорий с подобным статусом в будущем. В результате постмодернистскую культурно-идеологическую систему можно охарактеризовать как гносеологически скептическую и пессимистическую. Используя метафору, Ф. Шеффер характеризует современного человека как преткнувшегося «о камень недоверности знания» [6, с. 295]. И. П. Ильин указывает на то, что в конечном итоге «постмодернизм всегда нацелен на доказательство непознаваемости мира» [5, с. 100]. Базовая парадигмальная позиция постмодернистской философии, заключающаяся в отрицании возможности познания реального мира, стала методологическим основанием для постулирования радикальных заявлений и программ, с которыми выступил постмодернизм: критике подверглись не отдельные семантические версификации европейских культурных идеологий, но сами когнитивные основания западноевропейской культуры.

Отрицание возможности прорыва к онтологической реальности в когнитивной сфере прежде всего приводит к радикальному переосмыслению сущности и статуса в культурном пространстве языка. Гносеологический пессимизм привел к разрушению структуры лингвистического знака: означающий компонент отсоединился от означаемого и начал свое автономное существование. Языковой знак стал одномерным, а его семантический потенциал стал тождествен лингвистическому. При уверенности в достоверности имеющихся знаний текст служил средством передачи информации самого разнообразного плана, и в первую очередь метафизической (от древних сакральных текстов до философских и научных трудов). Од-

нако при постмодернистском отрицании возможности рационального постижения мира и выражения результатов этого познания в вербальной форме метафизика, образующая фундамент европейской культуры, объявляется областью зарождения различных мифологий. В рамках теории пантекстуализма (И. П. Ильин [5, с. 21]), основанной на скептическом отношении к способности гносеологического прикосновения к внетекстовой реальности, текст становится не столько искажающей интерпретационной призмой, сколько самим объектом восприятия. Язык объявляется не способом форматирования реальности, а самой реальностью – субстратом и жизненной средой мифа. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «больше не существует деления на поле реальности (мир), поле репрезентации (книга) и поле субъективности (автор)», они решительно заявляют о том, что книга не имеет «объекта в мире и <...> субъекта в лице одного или нескольких авторов» [3, с. 29]. В конечном итоге при скептически-пессимистичной гносеологической позиции остается лишь язык – язык, который не столько обозначил мир, покрыл его сетью понятий, сколько создал иллюзию онтологического существования универсума как такового в целом, как и культурного пространства в частности.

Гносеологически пессимистическая установка, отрицающая возможность наличия достоверных знаний, не позволяет иметь само понятие знания, так как определение последнего уже является когнитивным освоением мира, что в рамках постмодернистского сознания не представляется возможным. В результате поиск истины лишается своих методологических оснований. Как отмечает Ф. Джеймисон, «само понятие истины составляет часть метафизического багажа, от которого постструктуралисты стремятся избавиться» [4, с. 125–126]. Знание о мире в постмодернизме – это не результат трансцендентного прорыва к внетекстовой действительности, но только лишь организация языка в совокупности его вариативных построений на основе риторического искусства: язык ссылается на самого себя, внеязыкового же, внетекстового опыта просто нет. По мнению Р. Барта, реальность как таковая не доступна для восприятия и познания. Размышляя над таким понятием как литературный реализм, мыслитель заявляет, что «художник-“реалист” берет в качестве отправной точки своего дискурса вовсе не “реаль-

ность”, но только – всегда и при всех условиях – “реальное”, т. е. уже кем-то написанное – некий перспективный код, образованный анфиладой копий, теряющихся в бесконечной дали» [1, с. 251]. Меняя местами мир и письмо, жизнь и книгу и делая первичной именно знаковую реальность, Р. Барт утверждает, что «жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому, и так до бесконечности» [2, с. 389]. Таким образом, кардинальный вопрос заключается в том, тождествен ли смысл, заключенный в словах, миру онтологического означаемого, так как именно установление этой связи делает поиск истины оправданным и возможным. Парадигмальный же агностицизм постмодернизма приводит к декларированию элиминации названного соотношения и необходимости пересмотра самой сущности природы смысла. Как считает Р. Барт, смысл – это не прорыв в сферу означаемого, но «воплощенная сила, стремящаяся подчинить себе другие силы, другие смыслы и другие языки» [1, с. 234]. Мыслитель настаивает на том, что интенсивность воздействия смысла находится во взаимосвязи со степенью «его систематизированности: самым сильным является тот смысл, который, путем систематизации, оказывается способен охватить наибольшее число элементов, создать впечатление, будто он покрывает весь мыслимый мир: именно так обстоит дело с большими идеологическими системами, которые борются друг с другом, обмениваясь смысловыми ударами» [1, с. 234]. Отсюда, согласно постмодернизму, сущностью всякого притязания на подлинное знание является узурпация власти посредством систематизации имеющихся в распоряжении фактов о действительности.

Утрата гносеологически оптимистической позиции, приведшая к автономизации языка вследствие его отрыва от онтологического обеспечения, определила в конечном итоге радикальную трансформацию ментальной матрицы. Постулирование отсутствия связи означающих единиц с областью означаемого устранило возможность противопоставления понятий и явлений, что детерминировало переход от бинарно-антитетического мышления к плюрально-монистическому. Множественность в постмодернизме не способна быть однозначно различена и разделена, поскольку ее основанием является монизм языковой иллюзии. Ввиду этого утверждение « $A \neq \text{не-}A$ » утрачивает свой смысл, поскольку « A » и « $\text{не-}A$ » в сущности

являются лишь виртуально-вербальными явлениями. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, это позволяет вырваться за пределы дуализма и постичь формулу, «которую все мы искали: ПЛЮРАЛИЗМ = МОНИЗМ, преодолевая все дуализмы» [3, с. 27]. В свою очередь отсутствие способности различать и дистанцировать позиции «А» и «не-А» приводит к невозможности функционирования аппарата рационального мышления, поскольку последний способен существовать только в рамках двоичной системы, в которой «А» и «не-А» однозначно противопоставлены. Диапазон этого противопоставления всеохватен – от построения субъект-объектной схемы, в рамках которой личностный субъект отделен от объекта познания, до разделения внутриличностного пространства субъекта на сферы разума и чувства. Ввиду этого ментальная парадигма исповедующего агностицизм постмодерна в конечном итоге основывается на иррационализме, отвергающем логику бинаризма и допускающем наличие противоречия в пределах неделимого онтологического объекта, что делает всякое знание относительным. Основополагающие же рациональные операции построены на апелляции мыслящего субъекта к элементам абсолютного знания.

Таким образом, отрицание в рамках постмодерна возможности адекватного постижения действительности (гносеологический пессимизм) стало предпосылкой, логическое развитие которой привело к последовательной деконструкции когнитивных основоположений западноевропейской культуры. Так, в силу отрицания связи с объективной реальностью утрачивает свой онтологический статус система языка. Гносеологический пессимизм приводит к невозможности построения понятия знания, а следовательно, и истины. В постмодернизме истина – не более чем результат стремления к власти, пытающегося систематизировать как можно большее количество фактов действительности и тем самым утвердить свое превосходство (Р. Барт). В конечном итоге отрицание связи языка с действительностью (его онтологичности) приводит к отказу от основополагающего принципа европейской ментальности – мышления, опирающегося на принцип бинарных оппозиций, что определяет отказ постмодернизма от начал западноевропейской рациональности и приход к иррационализму.

1. *Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – М. : Акад. проект, 2009. – 373 с.*
2. *Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 384–391.*
3. *Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна : сб. пер. и реф. / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск, 1996. – С. 6–31.*
4. *Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна : сб. пер. и реф. / сост., ред. А. Р. Усманова. – Минск, 1996. – С. 117–137.*
5. *Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.*
6. *Шеффер, Ф. Он здесь, и Он не молчит / Ф. Шеффер // Он здесь, и Он не молчит: избранное / Ф. Шеффер ; пер. с англ. – СПб., 2002. – С. 247–347.*

**КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ – ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ
КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ДИРЕКТИВЫ
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ № 1
«О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ»**

Я. Л. Мархоцкий,

кандидат медицинских наук, профессор,

Белорусский государственный университет культуры и искусств;

Г. М. Цыркунова,

старший преподаватель, заместитель декана факультета

*культурологии и социально-культурной деятельности Белорусского
государственного университета культуры и искусств*

В настоящее время невозможно обеспечить конституционные права граждан, прежде всего права на жизнь, охрану здоровья и компенсацию его ущерба от чрезвычайных ситуаций (ЧС): природного, техногенного и экологического характера, биолого-социального (массовые заболевания людей, животных и растений) и социального (голод, войны, теракты) характера, а также реализовать политику устойчивого социально-эконо-